

Оглавление

Предисловие.....	5
Глава I. «Нация» и «этнос».....	12
1.1. Эволюция понятий «этнос» и «нация» в истории европейской философии и науки XVII — начала XX столетий.....	12
1.2. Методологический анализ современных отечественных и зарубежных дискуссий.....	46
1.3. «Нация» и «этнос» в объективе дисциплинарных и социально-философского исследований.....	97
Глава II. Национализм.....	122
2.1. Методологический анализ современных парадигм исследования.....	122
2.2. Социально-философская интерпретация национализма, его видов и исторических форм.....	186
Глава III. Формирование наций и национализма в Европе.....	205
3.1. Национальная интеграция: проблемы и попытки решения.....	205
3.2. Раннегосударственные и имперские формы социальной интеграции.....	222
3.3. От Европы «народностей» к Европе «наций» и «национализма».....	246
Глава IV. Национализм и трансформации социально-политического строя России.....	274
4.1. Государственный и этнический национализм в царской России.....	277
4.2. Советский федерализм и «право наций на самоопределение».....	297

4.3. Национализм как фактор дезинтеграции СССР	308
4.4. Станет ли Россия «национальным государством»?.....	328
Послесловие.....	339
Список литературы	344

Предисловие

Вопросы о сущности, происхождении и эволюции этносов и наций, их мирного сосуществования в пределах одного государства относятся к числу самых острых проблем древней, новой и новейшей истории. Этническое противостояние лежит в подоплеке многих международных конфликтов и двух последних мировых войн, в ходе которых погибли миллионы людей, чья «вина» состояла лишь в том, что они принадлежали к другому, нежели завоеватели, народу. Дикий геноцид армян младотурками 1915–1916 годов, технологический геноцид Третьего рейха в отношении евреев, цыган и славян, административно-политический геноцид сталинского режима в отношении чеченцев, крымских татар и других «непокорных народов» — в конце XX начале XXI веков меньшие по масштабам, но такие же чудовищные, эпизодические акты национализма в форме «этнических чисток» были осуществлены на территориях бывших Югославии и СССР, Азербайджана, Грузии, Таджикистана, Узбекистана, Афганистана, Бурунди, Руанды, Сомали, на Филиппинах, Украине и в некоторых других странах.

К великому сожалению, избежать волны этнонационализма не удалось и современной России. Сначала дезинтеграция мировой системы социализма, а потом и распад Советского Союза стимулировали и обострили в стране противоречия между народами, привели к кровавым столкновениям между представителями разных этносов и необъявленной войне в Чечне. Свою роль сыграли в этом и прямые ошибки политического руководства страны, отсутствие у него продуманной программы национальной политики, спровоцировавшие, наряду с социально-экономическими неурядицами, политический сепаратизм национальных республик и некоторых других регионов.

Анализируя причины российского политического сепаратизма, некоторые исследователи связывают его с историческими особенностями смены общественно-политического строя в России начала 1990-х годов: одновременным реформированием экономической и политической сфер общественной жизни не подкрепленным надежной законодательной

базой¹. Действительно, несовершенство конституционно-правовой базы Российской Федерации в значительной мере определяет ее неустойчивость. Так, например, противоречия, содержащиеся в Конституции СССР и дополненные законодательными инициативами периода 1988–1991 года, сыграли заметную роль в процессе распада СССР. Помимо этого серьезные последствия для национально-государственного единства России имел заключенный в 1992 году Федеративный договор, превративший РФ из централизованной в «договорную» федерацию. Центр и субъекты федерации поменялись ролями, и теперь уже бывшие автономии стали стремиться ограничить компетенцию центральной власти. Принятие в 1993 году Конституции России реально мало что изменило: договорные отношения между федеральным центром и многими регионами продолжают действовать. И это «параллельное право», легитимизирующее объективное неравенство регионов и, в ряде случаев, создающее преимущество республик перед другими субъектами федерации, постоянно провоцировало и провоцирует этнополитический и этнокультурный национализм а, соответственно, неустойчивость России как федеративного государства.

Но дело не только в организационной и правовой «асимметрии» Российской Федерации. Помимо прочих причин, царская Россия и СССР распались еще и потому, что ни российская империя, ни федерация советских республик так и не были, подобно многим европейским странам, преобразованы в «национальные государства», население которых было политически и культурно интегрировано в новую историческую общность — «нацию».

В современной России «российская нация» тоже до сих пор не сложилась. В отличие от США, Франции, Германии, многих других стран, подавляющее большинство населения нашей страны продолжает идентифицировать себя прежде всего в качестве «русских», «татар», «якутов» или, допустим, «чеченцев», и лишь потом — в качестве «граждан Россий-

¹ Росс К. Федерализм и демократизация России // Полис, 1999, № 3, с. 17.

ской Федерации». И это свидетельствует о том, что многоязычная и мультикультурная Россия не застрахована от распада: этническое самосознание в умах миллионов все еще доминирует над «национальным».

Но как интегрировать полиэтничное, мультикультурное население России в политически и культурно единое целое («нацию»), не ущемляя при этом суверенное право народов на развитие их собственных языков и культур? Возможно ли это в принципе? И если «да», то какой (организационно и содержательно) должна быть система мер, совокупность которых, обеспечивая политическое и культурное единство РФ, вместе с тем сохраняла бы языковой и культурный плюрализм России?

Дать обоснованные ответы на эти вопросы — конечная цель нашего исследования. Но чтобы достичь ее необходимо прежде решить следующие «простые» проблемы: чем отличаются «нации» от «этносов» и как, какими способами формировались нации и национальные государства в Европе? Очевидно, что ответ на второй вопрос в значительной мере зависит от того, как мы ответим на первый. И вот здесь мы попадаем в концептуальный капкан: *теоретически* отличить нации от этносов почти невозможно. Ни общность антропометрических характеристик и языка, ни общность территории и экономической жизни, ни общие культура, самоназвание и самосознание, связывающие людей в одно антропосоциокультурное целое, не позволяют надежно отличить нации от этносов.

Пожалуй, нет ни одного характерного признака, по которому можно было бы точно различать этносы и нации. Функционалистское или же предложенное у нас С. А. Арутюновым (а за рубежом К. Дойчем) различение по плотности информационных связей внутри этносов и наций в современных условиях тотальной информатизации тоже не работает. Как не срабатывает, и широко представленная в зарубежных исследованиях апелляция к «особому менталитету», «национальному характеру» — как и другие, она не позволяет провести четких границ ни между этносами, ни между нациями, ни, тем более, между нациями и этносами.

Иначе говоря, оставаясь в пределах какого-либо одного — натуралистического, атрибутивного или субъективно-символического² — подхода, точно позиционировать понятия «этноса» и «нации» нельзя. Поэтому, кстати, все более или менее крупные этносы (а их на планете более 3000) считают себя «нациями». Хотя наций и национальных государств, состоящих из одного этноса, почти нет: за исключением Японии все остальные признанные нации и государства оказываются полиэтническими.

Получается, что «нация» — категория конвенциональная. Не случайно еще в первой половине и середине XX века некоторые исследователи (П. Сорокин, Э. Карр, Г. Кон, Х. Сетон-Уотсон и др.) либо отказывались дать точное понятийное определение «нации», либо предлагали считать его пустой дефиницией, а то и просто «продуктом веры».

Констатация этого обстоятельства позволила еще в 1964 году британскому обществоведо Эрнесту Гелнеру заявить, что «нации это изобретение националистов», благодаря которому они проводят в жизнь свои политические идеи. В дальнейшем этот принцип осознанного политического конструирования основных европейских наций, основательно подкрепленный анализом истории становления «национальных государств» в Западной, Центральной и Восточной Европе, получил развернутое теоретическое обоснование в работах Бенедикта Андерсона, Эрнста Геллнера, Карла Дойча, Энтони Д. Смита, Майкла Шадсона и некоторых других зарубежных авторов³.

После них, отмечают исследователи, стало невозможно писать о национализме так, как о нем писали раньше. Идеи, содержащиеся в этих работах, впоследствии, на разном идейно-теоретическом фундаменте, были использованы, развиты и, конечно, подвергнуты критике в исследованиях У. Альтерматта, Р. Брубейкера, Э. Балибара, П. Брасса, Дж. Бройи, Х. Бхабха, И. Валлерстайна, П. Ван дер Берга,

² В этом случае категории «этнос» и «нация» определяются через социально-психологическое понятие «идентичности» — т. е. субъективно-символически.

³ См.: *Смит Энтони*. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. — М., 2004.

К. Ведери, А. Гастингса, Э. Гидденса, К. Гирца, Д. Горовитца, Р. Гриффина, Т. Р. Гэрра, М. Канна, Ф. Джеймисона, М. Манна, Рене Монза, К. Оффе, Э. Д. Смита, Д. Шнаппера, Г. Шоплина, А. Умланда, Й. Файхтингера, Ю. Хабермаса, С. Хатингтона, К. Хюбнера, М. Гроха, П. Чартерджи и Т. Эриксона.

В конце 1980-х — первой половине 1990-х годов работы некоторых из этих исследователей оказали значительное влияние на российских философов и политологов, многие из которых активно включились в дискуссии об этнонациональном обустройстве России. В этот период интерес отечественных исследователей концентрировался преимущественно на проблемах взаимосвязи национализма с процессами формирования и развития «этносов» и «наций», «национального сознания» и этнической идентичности. В работах В. А. Авксентьева, С. А. Арутюнова, Л. Ф. Болтенковой, Ю. М. Бородая, Ю. В. Бромлея, А. А. Гуссейнова, Л. Н. Гумилева, Г. Г. Дилигенского, В. М. Межуева, М. П. Мчедлова, В. И. Козлова, А. С. Панарина, И. К. Пантина, Н. Н. Седовой, В. А. Тишкова, В. И. Толстых, Ж. Т. Тощенко, В. Н. Шевченко, Ю. А. Шипкова, С. В. Чешко, И. Г. Яковенко и других специалистов эти проблемы стали предметом активного обсуждения. Во второй половине 1990-х и последующий за ним период экономической и политической стабилизации список авторов, анализирующих основные зарубежные концепции национализма, взаимосвязь национализма с «этнизмом» и «национальным сознанием», соотношение понятий «раса», «этнос» и «нация» пополнился именами В. Б. Авдеева, А. Р. Аклаева, Ю. В. Арутюняна, Ю. А. Гаврилова, Л. Г. Ионина, А. Кольева, В. В. Коротеевой, С. В. Лурье, А. О. Миллера, М. О. Мнацаканяна, В. С. Малахова, А. Н. Малинкина, О. Михневича, О. Ю. Морковцевой, Е. Ф. Морозова, А. Н. Савельева, А. Н. Севастьянова, В. Д. Соловья, Г. У. Солдатовой, Г. В. Старовойтовой, З. В. Сикевич, А. А. Сусоколова, Т. Л. Полянникова, П. И. Пучкова, Т. Ю. Сидориной, Е. А. Троицкого, А. Г. Шевченко, В. Г. Федотовой, А. И. Элеза, В. Япринцева и некоторых других. Но среди работ отечественных авторов них нет ни одной, где бы «нация» и «национализм» рассматривались как предмет социально-философского анализа. Большинство исследований национализма в последние годы осуществляется

в пределах политических, социологических, этнопсихологических и культурно-антропологических (этнологических) исследований.

В этих условиях любому, кто возьмется анализировать историю формирования и развития наций и национализма, их взаимосвязь придется сделать выбор: либо присоединиться к одной из уже существующих теоретических трактовок этих сложных исторических феноменов, либо, проанализировав их, предложить собственные, в нашем случае — социально-философские интерпретации. Второй путь, по нашему мнению, более перспективен, но и более сложен. Так как влечет за собой необходимость экспликации, типологизации и последующего сравнительного анализа методологии, объяснительных возможностей и ограничений конкурирующих в общественном знании многочисленных дисциплинарных и комплексных подходов (стратегий) к определению сущности, формирования и эволюции наций, национальных государств и национализма. И это, вместе с необходимостью развенчания весьма распространенного в социальных науках философского нигилизма и устранения барьеров в научной коммуникации, стало побудительным мотивом обращения автора к проблеме, определило замысел и структуру настоящей работы.

В первой и второй главах монографии рассматривается эволюция понятия «нация» в истории философии и науки XVIII–XIX веков, его современные трактовки, эксплицируются, анализируются и сравниваются основные концепции «наций» и «национализма», предлагается авторская — социально-философская — интерпретация сущности наций и национализма, выделяются виды и типы национализма. Акцентируя внимание на необходимости рефлексии над способами существования и познания социальных явлений и процессов, автор приходит к выводу о необходимости использования восходящей к классическому марксизму парадигмы современного социально-философского конструктивизма. В пределах которой «нация» и «национализм» понимаются как парные понятия и фиксируемые ими исторические феномены, которые возникли при определенных социальных (экономических, политических и иных)

обстоятельствах и в результате целесообразных предметно-практических и интеллектуально-духовных усилий людей, осознавших потребность новых форм общественного бытия.

В этом случае «*нации*» продуктивно интерпретировать как сплоченные общими чувствами идентичности и солидарности, связанные общими ценностями прошлого и настоящего, политически и социокультурно организованные (интегрированные) полиэтнические социумы, диалектически «снимающие» доминирующие ранее этнические формы социального бытия. А *национализм целесообразно трактовать* в качестве нового исторического феномена социальной жизни человечества, существующего в многочисленных идеальных и предметно-практических воплощениях — в исторически конкретных дискурсах и практиках формирования, сохранения, развития и экспансии наций, основанных на предполагаемом превосходстве перед другими (этносомами и нациями) и стремящихся использовать объективно существующую или воображаемую ситуацию экономического, культурного и другого «неравенства» в собственных целях — повышения статуса и благосостояния за счет других народов.

Исторические аргументы в пользу именно такой интерпретации наций и национализма даны в третьей и четвертой главах книги. Там выявлены и проанализированы пути и способы формирования основных европейских наций, становление различных форм национализма, оказавшихся, с одной стороны, важным фактором появления и распространения империализма и колониализма ведущих национальных государств, а с другой — фактором их разрушения, вызвавшим к жизни в XX веке массовый феномен «самоопределения наций».

В заключительной главе монографии рассмотрена диалектика государственного и этнического национализма в российской империи и СССР, пути эволюции современного российского федерализма, проблемы и перспективы формирования «российской нации».

Глава I. «Нация» и «этнос»

1.1. Эволюция понятий «этнос» и «нация» в истории европейской философии и науки XVII — начала XX столетий

Широко используемые в социальной философии, социологии, политологии, этнологии, культурной антропологии, этнопсихологии и ряде других научных дисциплин категории «нация» и «этнос» до сих пор не имеют одного — общепринятого — содержания. Это обусловлено не только спецификой предметной области и категориального аппарата наук, но и в значительной мере связано с культурно-исторической эволюцией обыденного и научного употребления этих терминов, отголоски которого можно найти во многих профессиональных и околonaучных текстах.

Термины «этнос» и «нация» восходят к разным языкам и имеют разную историко-научную судьбу. Если «этнос» образован от древнегреческого *ethnos* (народ) и в качестве специального понятия вошел в язык европейской науки лишь во второй половине XIX столетия, то «нация» (от *лат. natio*, которое в свою очередь восходит к *nasci*, что означает «рождаться») активно употреблялось еще историками и писателями Древнего Рима. После распада великой Империи образованные на ее территории христианские королевства и народности, формировавшиеся в раннем средневековье, переняли вместе с латинским языком (языком ученых и духовенства) и дихотомическое употребление двух слов: *natio* и *gens* — для обозначения «цивилизованных» («христианских») народов и «варваров» («язычников»). Многочисленные племена и народности, входившие в империю Каролингов (обитатели Иль де Франс, Пуату, нормандцы, бургунды, лотаринги, бретонцы, франки, баварцы, саксы и др.) еще долго после ее распада именовали себя «нациями», по сути не будучи таковыми. Например, в акте коронации Оттона III (995 г.) говорится о том, что коронация имела место с согласия не германской нации, а римлян, франков, баваров, саксов, эльзасцев, швабов и лотарингов⁴.

⁴ *Schramm P. E. Kaiser, Rom und Renovativ. Darmstadt, 1957. — S. 91.*

В позднем средневековье *natio* наполняется новым содержанием. Хотя в хрониках и документах отдельные народы и народности по-прежнему именовались нациями, этот термин, примерно с XV века приобретает и иное, близкое современному, значение: речь уже идет о «германской нации». Постепенно и одновременно нарастает полисемантизм словоупотребления. Так, в средневековых университетах говорят о нациях, понимая под ними студенческие корпорации, то есть своего рода землячества. Студенты были разделены на «*nationes*» по совершенно произвольному принципу. В Пражском университете, например, было четыре «нации»: чешская (богемская), саксонская, баварская и польская, причем немецкие студенты составляли во всех нациях, кроме чешской, большинство.

Даже церковные соборы, как отмечают исследователи, расчленились на «*nations*». На вселенском Констанцском соборе (1414–1418), например, все присутствующие были разбиты на четыре нации: итальянцев, французов, англичан и немцев, чтобы помешать численно превосходящим итальянцам получить перевес при голосовании. К «*Natio germanica*» на Констанцском соборе принадлежали также поляки, шведы, чехи, далматинцы и другие народы⁵. На «нации» разделялись и религиозные ордена (мальтийский и иезуитский), и купеческие союзы, и многие другие корпоративные организации.

Таким образом, даже в первом приближении краткий обзор поля употребления слова «нация» в раннем и позднем средневековье свидетельствует о том, что содержание этого термина разительно отличалось от его современных значений. Будучи первоначально используемым для обозначения христианских народов и народностей, *Natio* в позднем средневековье и эпоху Возрождения преимущественно употреблялось уже как термин, содержащий корпоративно-организационный смысл. По справедливому замечанию Г. Циглера, в XII–XV веках «*Natio* — это целевой союз, местная, административно определенная подгруппа, как фракция,

⁵ *Хабермас Юрген*. Вовлечение другого. Очерки политической теории. — СПб.: Наука, 2001. — С. 204.

управленческая единица и т. п. Это слово никоим образом не имеет всей полноты значения в качестве представительного политического подразделения. Оно не обозначает какой-либо заданной формы общности, не содержит указания на основополагающую линию социальной связи или разделения»⁶.

Это, разумеется, не случайно, ибо язык всегда социально обусловлен и референтен. Будучи отображениями структур внешней человеку природной и социальной реальности, слова и выражения, в свою очередь, «погружены» в реальность человеческого (социокультурного) бытия и таким образом зависимы от его структурных связей. Проще говоря, эволюция значения термина «нация» в средние века соответствовала эволюции европейского общества того времени с характерным для него корпоративным (цеховым и сословным) социальным строением и политическим устройством — разделением на многочисленные феодальные государства. Последние, в силу феодальной раздробленности, не только не способствовали интеграции проживающих на их территориях многочисленных этносов и этнических групп в устойчивые социально-политические образования, объединенные общностью языка, культуры, политической и хозяйственной жизни⁷, а наоборот — препятствовали такой — национальной — интеграции. Поэтому дальнейший этап эволюции представлений о том, что есть «нация», был исторически связан с переходом в сфере экономики к капиталистическому способу производства материальных благ (в другой терминологии — к «индустриальному обществу»), а в сфере политики — с процессом формирования в Европе крупных централизованных абсолютистских и буржуазно-демократических государств, с течением времени объединивших на своей территории все многочисленные этносы и этнические группы в относительно культурно и политически гомогенные общности, названные потом «нациями».

На уровне идеологической самоидентификации социальных групп этот процесс, занявший не одно столетие,

⁶ Ziegler. H. O. Die moderne Nation. Ein Beitrag zur politischen Soziologie. Tübingen, 1931. — S. 23.

⁷ То есть «нации» в современной трактовке этого термина.

в частности выразился в противопоставлении термина «нация» понятию «народ». Сначала аристократия, дворянство и духовенство, а затем и так называемое «третье сословие» стали претендовать на исключительное право именовать себя «нацией». Так, например, в 1520 году великий идеолог Реформации Лютер обратился к «христианскому дворянству германской нации» со следующими словами: «Здесь же германская нация, епископы и князья должны памятовать и о том, что они христиане, и править вверенным им народом во всех делах земных и духовных, и защищать, ограждать от подобных волков лютых...». В том же духе, спустя два с лишним столетия, писал посол королевства Сардиния в России граф Жозеф де Местр: «Что такое нация? Суверен и аристократия»⁸.

В противовес этому буржуазия, по мере того как она экономически укреплялась и развивалась политически, все энергичнее требовала быть причисленной к нации, пока, наконец, не провозгласила себя ее единственным представителем. В 1758 году один из представителей третьего сословия объявил неподобающим, чтобы торговцев, финансистов, юристов, писателей и людей искусства причисляли к «народу». По его мнению, они принадлежали, скорее, к более высоким слоям «нации». А в прославленном сочинении аббата Сиейса «Что такое третье сословие?» буржуазия уже без всяких оговорок провозглашалась нацией⁹. Это означало, что нация может существовать, лишь избавившись от короля, клерикальной и светской знати, установив демократическую власть буржуазии — «лучшей» части «народа», выражающей его интересы и от его лица отправляющей власть.

Не трудно заметить, что такая — сословно-классовая — интерпретация термина была заведомо ограниченной и, даже, противоречила ключевым политическим идеям Нового времени и эпохи Просвещения — «народного суверенитета» и «правового государства», основанного на «естественных» правах «человека», вне зависимости от его сословной

⁸ Цит. по: *Козинг Альфред*. Нация в истории и современности. — М., 1978. — С. 38–39.

⁹ Там же. — С. 39.

и классовой принадлежности. Более того. Такая трактовка почти не имела точек соприкосновения с наукой XVII–XVIII веков, в которой, под влиянием открытий в астрономии, физике, химии, биологии, колониального освоения новых земель и континентов постепенно утверждались идеи сначала естественного, а затем и социально-исторического эволюционизма. В противоположность библейско-церковной креационистской догме о неизменности всего, что возникло в акте божественного творения, в сознании естествоиспытателей и социальных мыслителей формировался новый взгляд на историю человечества как взаимосвязанное развитие народов, эволюционирующих от простых ко все более сложным формам существования. Разумеется, научно фундированного представления об объективной коэволюции природы и человечества в те времена не было. Как не было и большинства общественных наук (антропологии, социологии, социальной психологии, этнографии, исторической лингвистики и др.), предметно и специально (специальными методами) исследующих этническую и национальную проблематику. Понятийный аппарат этих дисциплин был в основном сформирован в XIX столетии. А первоначально категории общественных наук развивались в лоне социальной и политической философии XVII–XVIII веков. Которые, используя материалы хронистов и историков древнего мира, достижения географов, врачей и биологов пытались объяснить историю человечества как эволюцию древних и «новых» народов к цивилизованному состоянию влиянием объективных и субъективных групп факторов: «географической среды», «крови», «языка», «экономических условий жизни» и «государства». При этом в подавляющем большинстве сочинений того времени термины «народ» и «нация» использовались в качестве синонимов, а термин «этнос» вообще не употреблялся.

Учитывая эти обстоятельства, можно выделить по меньшей мере четыре теоретических подхода, в пределах которых в XVII–XVIII веках исследовались проблемы формирования и развития «народов» (наций): *натуралистический*, *антропологический* (в его культурной и естественнонаучной версиях), *социоэкономический* и *политический*, которые,

в свою очередь, тяготели к двум философским позициям — материализма и идеализма¹⁰.

Натуралистический подход. Его появлению и конституированию (в качестве особой теоретической позиции) способствовали великие географические открытия, бурное развитие торговли и эмпирического естествознания, в результате которых знания о жизни народов Востока, Африки и Америки обогатились новыми данными. Пожалуй, первым европейским мыслителем, указавшим на необходимость учитывать влияние природы (географической среды) на развитие общества, был выдающийся французский философ позднего Возрождения *Жан Боден (1530–1596)*. Развивая идею о суверенитете монарха, который, по его мнению, гарантирует гражданам защиту их собственности, он вместе с тем обратил внимание на различия в «национальном характере» отдельных народов. Эти различия, считал Боден, зависят от климатических и иных природных условий. Так, народы умеренной полосы превосходят и южан, и северян политическими талантами и чувством справедливости. Зато они ниже первых по умозрительным способностям и ниже вторых по физической силе. Плодородие южных стран изнеживает их жителей, тогда как условия умеренного пояса приучают к трудолюбию. Поэтому северными народами надо управлять посредством силы, южными — посредством религии, народами умеренных стран — посредством разума.

Спустя более 150 лет, сходные мысли, но гораздо более резко и развернуто, высказал известный политический мыслитель Франции *Шарль Монтескье* в своем знаменитом сочинении «Дух законов». Рассматривая условия, при которых возникает та или иная форма правления, Монтескье устанавливает ее тесную зависимость от природных условий страны. Прежде всего, он, вслед за Боденом, резко противопоставляет друг другу северные и южные народы, определяя противоположность их «характера» различием

¹⁰ Следует обратить внимание, что в «чистом» виде ни один из подходов в науке и философии XVII–XVIII веков не представлен. Каждый из рассматриваемых ниже мыслителей развивал тот или иной подход *par excellence*, не исключая из сферы анализа и влияние других факторов на происхождение и развитие народов (наций).

климатических условий, в которых они живут. Народы севера энергичны, воинственны, храбры и свободолюбивы. Народы, населяющие южные страны, напротив, ленивы, робки, изнежены, покорны и порочны. Климат, по Монтескье, оказывает огромное влияние на чувства, воображение и ум, а следовательно, на нравы, быт, религию и законы народов. Таким путем писатель устанавливает, например, прямую причинную зависимость индусского учения о нирване от жаркого климата Индии, расслабляющего, будто бы, умственные способности и вызывающего желания покоя, небытия. Таким же образом он связывает с климатом многоженство, монашество и рабство в южных странах.

Специальная глава книги посвящена влиянию климата на характер англичан и политическое устройство Британии: «У такой нации, у которой болезнь, обусловленная климатом (т. е. сплин — Ю. Г.), до того расстраивает душу, что люди получают отвращение ко всему, даже к самой жизни, правительство... должно быть устроено так, чтобы они не могли приписывать какому-либо одному человеку причины своих бедствий, чтобы человечеством управляли более законы, чем люди». «Счастлив климат, производящий простоту нравов и законов!» — восклицает Монтескье в заключение. В конечном счете, переход народов в цивилизованное состояние с характерным для такового государственным устройством различного типа Монтескье связывает с психикой людей, особым национальным характером, свойства которого зависят от климата, территории расселения, ландшафта (почв) и образа (сельского или городского) их жизни. Все эти естественные факторы влияют на психику людей, а психика определяет их быт, нравы, общественный строй и законы — таково теоретическое кредо Монтескье.

Социоэкономический подход. Уже *Анн Робер Тюрго* (1727–1781) подметил эту слабость учения Монтескье и истолковал влияние географической среды на эволюцию народов не прямо, а опосредованно — через ее воздействие на «разнообразное производство», культуру и способы отношений между народами. Тюрго, пожалуй, одним из первых отчетливо сформулировал идею линейного прогресса «человеческого рода» («...Масса человеческого рода...

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru